

Глава 1

КЛАССИЧЕСКАЯ ДОБРОДЕТЕЛЬ

Начнем с масштабных идей. История полна представлений об эмоциях: что это такое, откуда они взялись и как стоит их выражать и контролировать. Подобные идеи легли в основу религий и философских воззрений, по-прежнему не утративших актуальности. Нередко представления о чувствах влияли на ход истории. Однако прежде чем перейти к Древней Индии, Новому Завету, к идеям о святых и пророках, я бы хотел начать с истоков или, если угодно, с самых первых дошедших до нас зафиксированных рассуждений о природе эмоций. Для этого, как часто бывает, нам придется отправиться в Древнюю Грецию.

Платон и Сократ

Примерно за 399 лет до рождения Христа молодой человек чуть старше двадцати лежал в постели, разбитый болезнью¹. Он был известен в Афинах своим крепким телосложением и успел снискать славу талантливого борца. Не исключено, что он даже участвовал в Олимпийских играх. Большинству из нас он известен под прозвищем Широкоплечий, которое на древнегреческом звучит как Платон².

При всей своей устрашающей физической силе Платон был еще и гигантом мысли. Позже он основал школу, чье влияние оказалось столь велико, что ее имя — Академия — до сих пор используется для обозначения учебных заведений. В своей Академии Платон писал труды по философии. Однако это были не объемные трактаты, а серия дискуссий, получившая название «Диалоги». Во всех диалогах, за исключением одного, главным

оратором выступал старый и горячо любимый наставник Платона — Сократ.

Значение «Диалогов» Платона сложно переоценить. Спустя более чем два тысячелетия математик и философ Альфред Норт Уайтхед назвал всю последующую философскую традицию «серией пометок на полях трудов Платона»³. Однако если бы не события одного глубоко волнующего дня в 399 году до н. э., когда Платон лежал в постели с болезнью, и не все то, что к этим событиям привело, он мог бы остаться одним из сотен блестящих умов, канувших в Лету. Потому что в тот самый день, когда Платон боролся с хворью, его учителя Сократа казнили. И по этому поводу Платон испытывал, скажем так, сложные чувства.

Платонические чувства

Греки называли эмоции *pathḗ** — *náte*, что можно перевести как «претерпевание» или «страдания». Точное значение зависело от того, какие именно пате вы испытываете (или какими страдаете). Платон считал пате волнениями души, рябью, вызванной внешними событиями или ощущениями, тем, что выводит нас из равновесия и нарушает покой. Однако, согласно Платону, душа — нечто большее, чем просто та часть человека, что не является телом.

Душа была важна для Платона, поскольку представляла собой человеческую манифестацию центральной идеи его философии. Он не считал, что мир ограничивается видимым глазу, полагая, что любой объект — человек, дерево или стул — есть лишь несовершенная версия того, что он называл мыслимым космосом (*kósmos noetós*), или *идеей*. Платон верил, что каждый обладает врожденным представлением о совершенных идеях. Поэтому мы понимаем, что два на первый взгляд разных предмета по своей сущности одно и то же — допустим, табурет и трон являются стульями. И тот и другой напоминают нам об идее совершенного стула. Платон

* Множественное число от греч. *πάθος*. Здесь и далее, если не указано иное, примечания переводчика и редактора.

сравнивал наше восприятие действительности с тем, как люди, живущие в пещере, видят на ее стенах тени происходящего извне. То, что мы считаем реальным, — на самом деле всего лишь тень. Согласно Платону, реальность — это наши души, совершенные идеи, танцующие на свету у входа в пещеру. Наши тела — тени, которые они отбрасывают. Пате — результат возмущения в душе, вызывающего ощущения в теле и заставляющего тень неожиданно искривляться. Больше всего Платону не давал покоя вопрос: как люди могут испытывать две разные эмоции одновременно? Как могут воины на поле боя быть до смерти напуганы и вместе с тем отважны? Как можно и рваться в атаку, и хотеть сбежать? Платон пришел к выводу, что душа должна состоять из нескольких частей.

В своих рассуждениях он исходил из того, что у животных есть душа, но, поскольку они неспособны на сложные мыслительные процессы, значит, существует два вида души: для животных и для людей и богов. Божественная душа представляла собой чистый разум и не могла быть напрямую потревожена пате. Платон называл такую душу *lógos*⁴.

Логос — сложно переводимый термин. Он означает и «мысль», и «слово», и даже «возможность выражать мысли словами». Важно, что ему присуще значение божественного. Наиболее удачный пример употребления этого слова встречается в Евангелии от Иоанна 1:1. Оригинальный текст написан на греческом, однако в переводе (в Библии короля Якова) первая строка звучит так: «В начале было Слово [логос], и Слово [логос] было у Бога, и Слово [логос] было Бог»⁵. Если вы когда-нибудь задумывались о том, как можно отождествлять Бога со словом, вы, скорее всего (и вполне объяснимо), воспринимали текст слишком буквально. «Бог» здесь означает скорее мысль, чистый разум, знание. Это и есть логос Платона — душа, способная размышлять, знать и понимать.

Душу, которой наделены животные, Платон называл *epithymêtikon*, или «страстной»⁵. Когда на такую душу влияют пате, возникают базовые стимулы, руководящие нами в повседневной жизни: удовольствие, боль, голод, влечение, стремление избежать вреда для себя и т. д. Поскольку люди — по своей сути животные, но к тому же обладают способностью к сложным

⁴ Здесь и далее цитаты из Библии и Торы даются в русском синодальном переводе.

размышлениям, знаниями и умением понимать, Платон полагал, что в них сочетаются рациональный логос и иррациональный эпитиметикон.

При этом он считал, что существует еще одна часть человеческой души. Люди могут отличать добро от зла и инстинктивно действовать в соответствии со своими представлениями о них. Чистая логика, как и наши животные порывы, так не работает, а значит, у души должна быть третья составляющая. Платон называл ее *thymoeides*, или *thymos*, — «яростная душа»⁶. *Тимос* можно перевести как «ярость», и именно эта часть души отвечает за созидательные порывы. Как и на эпитиметикон, на тимос напрямую влияют пате. Когда покой тимоса нарушается, возникает, само собой, гнев. Но то же нарушение покоя способно породить пате надежды — благодаря ей мы действуем, поскольку думаем, что успех возможен, несмотря на все сложности. В этой же душе рождается эмоция страха, позволяющая нам спастись от опасности, которой мы не сумели избежать. Возмущение тимоса способно также вызывать переживание храбрости, позволяющее нам совершать поступки, даже когда мы напуганы. Причем — и Платон считал это крайне важным — яростная душа не всегда видит целью общее благо. Ее пате, как и в случае с животной душой, заставляют человека без колебаний искать удовольствия и инстинктивно избегать боли. Это безотчетное стремление к наслаждению Платон называл *boulesis*. *Булесис* не добродетелен сам по себе; иногда нравственные поступки приводят к боли, а плохие доставляют удовольствие.

Чтобы достичь истинной добродетельности, необходимо стремиться к пользе, исходящей от логоса, — *эросу*. Эрос — это не личное удовольствие, а всеобщее благо. Чтобы поступать добродетельно, нельзя руководствоваться лишь пате. Необходимо научиться понимать, что действительно будет лучше, — научиться оценивать и рассуждать. Необходимо останавливаться, чтобы задать себе вопрос: «Действительно ли это правильный поступок?» Человек не должен поступать определенным образом только потому, что ему так приятно. Иногда из-за правильного поступка вы чувствуете себя плохо, потому что удаляетесь от булесиса. Но поступить именно так по-прежнему будет правильно. Это и есть эрос. Разница между эросом и булесисом — краеугольный камень эмоционального режима, который Платон сконструировал для своих читателей и последователей.

Она имеет значение даже в ситуациях, когда кого-то дорогого вам должны казнить. Платон использовал историю смерти Сократа как пример торжества эроса над булесисом. Однако, чтобы понять эту историю, необходимо разобраться, почему Сократа вообще собрались казнить.

Суд над Сократом

Сократа обвиняли в нечестии и развращении молодежи; несмотря на то что многие афиняне желали ему смерти вовсе не за это, его виновность сложно оспорить. Во всяком случае, молодежь он совершенно точно развращал. Его тактика, известная как метод Сократа, заключалась в том, чтобы задавать молодым людям вопросы об их убеждениях. Иногда такие вопросы заставляли сомневаться в авторитете властей, широко распространенных представлениях о справедливости или даже существовании богов. По мере того как собеседники Сократа отвечали, он задавал все новые вопросы, подталкивая их к дальнейшему анализу собственных суждений и более четкому формулированию идей. В конце концов те, к кому Сократ применял свой метод, как правило, убеждались в его полной правоте и даже соглашались с его богохульными идеями.

Афины в то время только восстанавливались после столетия войн и угнетения. Когда закончилась долгая война с Персией и последовавшая за ней кровопролитная гражданская война со Спартой, в ходе которой Сократ проявил воинскую доблесть и был награжден, спартанцы ограничили знаменитую афинскую демократию и навязали полису правительство Тридцати тиранов. Афиняне, возмущенные приходом новой власти, вскоре взбунтовались. Менее чем за год они выдворили тиранов из полиса и арестовали подозреваемых в содействии проспартанским политикам.

Среди арестованных был и Сократ. Его главным преступлением считалось не безбожие и даже не развращение юношей: дело заключалось в том, кого именно он развратил, — людей влиятельных, облеченных властью и глубоко ненавидимых афинянами. Например, Алкивиада — видного генерала, который в поисках большей выгоды постоянно метался между

армиями Афин и Спарты. У Сократа учились и некоторые из Тридцати тиранов — к таковым относился Критий, один из самых могущественных в группе, — а также члены семей, поддержавших их⁷. А еще сын Периктионы, племянницы Крития, молодой борец Платон.

Без сомнения, Сократа арестовали по политическим мотивам, однако он все-таки был виновен в том, что ему предъявлялось. Услышав решение, Сократ попросил у властей вместо смертной казни обеспечить его до конца жизни бесплатными обедами в благодарность за службу полису. Как можете представить, такую просьбу приняли отнюдь не с восторгом, и Сократа приговорили к казни через отравление.

Смерть Сократа

Приговор был исполнен, когда Сократ добровольно выпил чашу с ядом болиголовы. Если верить Платону, чье описание основывается на свидетельствах другого ученика Сократа, Федона, лично присутствовавшего при казни, те, кто находился рядом с Сократом в его последние часы, стали плакать, когда увидели, как мыслитель пьет яд. Сократа это рассердило: «Ну что вы, что вы, чудаки! Я для того главным образом и отослал отсюда женщин, чтобы они не устроили подобного бесчинства, — ведь меня учили, что умирать должно в благоговейном молчании. Тише, сдержите себя!»^{8*} Их горе было вызвано скорбью и желанием найти способ изменить мучительные обстоятельства. Однако, по убеждениям Платона, мужчины — именно мужчины — должны контролировать свои чувства. Женщины, по его мнению, могли рыдать, бить себя в грудь и рвать туники. Но не мужчины. Их рыдания эгоистичны. Как эгоистична их попытка избежать душевных страданий и выдать желаемое за правильное, вместо того чтобы поступить правильно.

После отповеди Сократа присутствовавшие мужчины тут же перестали плакать. Сдерживать слезы, наблюдая смерть друга, вероятно, стоило им огромного эмоционального труда. При этом они устыдились своего

* Федон // Платон. Собр. соч. в 4 т. Т. 2 / пер. С. П. Маркиша. М.: Мысль, 1993.

поведения, осознав, что оплакивают не Сократа, который, казалось, сохранял спокойствие, а собственное «горе — потерю такого друга»⁹. Другими словами, их слезы не были добродетельны. Они были эгоистичны, а значит, нарушали эмоциональный режим, предписываемый Сократом и Платоном.

В рассказе Платона о смерти Сократа есть еще одна деталь, которая прекрасно иллюстрирует его веру в то, что пате необходимо контролировать ради высшего блага¹⁰. Если верить Платону, Сократу дали шанс сбежать¹¹. Бегство должно было казаться Сократу правильным решением, представлять единственным желанием его «яростной души», ведь не умереть — несомненное благо для индивида. Однако состоялся суд, и суд признал Сократа виновным, и только это имело значение. Обмануть закон было бы неправильно и не добродетельно. Сократ у Платона верит, что поддаться чувствам — значит бежать от правосудия, а такой поступок увлек бы его от эроса к булесису. Подобное недопустимо в эмоциональном режиме Платона.

Последние слова Сократа в диалоге Платона: «Критон, мы должны Асклепию петуха. Так отдайте же, не забудьте»¹². Их значение всегда оставалось предметом споров. Асклепий был богом медицины; само собой, Сократ не мог ожидать, что останется жив после смертельной дозы яда. Некоторые исследователи трактуют эти слова как бессвязное бормотание, вызванное действием болиголова¹³. Немецкий философ Фридрих Ницше считал, что Сократ таким образом называл жизнь болезнью и выражал счастье оттого, что наконец излечится¹⁴. Есть версия, что в последние минуты Сократ думал о своем юном друге Платоне, которого, как мы помним, в это самое время якобы сразила болезнь¹⁵. Вероятно, мы никогда не узнаем, как все было на самом деле. Но я думаю, Сократ хотел поблагодарить Асклепия за исцеление города, который он так сильно любил. Возможно, он знал, что его казнь послужит эмоциональному освобождению, катарсису, а значит, в итоге и общему благу Афин. Есть ли поступок добродетельнее? Это было бы самым возвышенным примером эроса. Согласно Платону, чувства надлежит контролировать ради высшего блага, а потому такое объяснение вполне бы подошло. Платон использовал смерть друга, чтобы рассказать нам, как величайший человек, которого он когда-либо знал, сумел обуздать

свои желания и руководствовался эросом даже в момент собственной казни.

Помимо диалога Платона, единственным дошедшим до нас свидетельством смерти Сократа остаются воспоминания его последователя, полководца и писателя Ксенофонта. Он пишет, что Сократ с радостью принял смерть, поскольку, сохранив в возрасте семидесяти лет остроту ума, он все же боялся вскоре ее утратить⁶. Сократ у Ксенофонта предстает куда более практичным человеком, чем у Платона, и тратит на советы не меньше времени, чем на споры. Не исключено, что свидетельства Ксенофонта ближе к истине. Однако ценность текстов Платона не в документальной точности. Он не ставил цели донести до нас факты. Он хотел преподать урок о том, как в высшей степени добродетельные люди могут контролировать свои порывы ради высшего блага и как мы должны им в этом подражать. Платон устанавливает эмоциональный режим — свод правил о том, как чувствовать и как выражать чувства, — который, как он считает, всем надлежит соблюдать.

В чем же заключался эмоциональный режим Платона? Если быть максимально кратким, его режим — это вера, что суть высшего блага состоит не в том, чтобы потакать пате, возмущениям души, которые порождают желания и гнев. Нельзя также делать то, что кажется правильным, потому что вы так чувствуете. Необходимо обращаться к логосу внутри себя, чтобы отличать высшее благо от всего прочего, и делать все необходимое, чтобы этого блага достигнуть. Даже если это приведет к вашей гибели.

Довольно многие строго придерживались платоновского эмоционального режима. Некоторые преобразовали его в стоицизм, отдельный режим, о котором мы еще поговорим. Другие, как, например, юный последователь Платона по имени Аристотель, пришли к собственным выводам и почти полностью отказались от его эмоционального режима.

Большие надежды

В 334 году до н. э., спустя примерно 65 лет после казни Сократа, молодой человек сидел в палатке и читал важное письмо. Если верить древнегреческому биографу Плутарху, который в своих описаниях опирался на внешний

вид статуи, юноша этот был невысоким, зато крепким и мускулистым, со светлым, чуть красноватым и чисто выбритым (довольно необычно для того времени) лицом, видневшимся над искривленной шеей. Большую часть времени его голова клонилась вбок, из-за чего казалось, что его разные — один карий, другой голубой — глаза всегда смотрят как бы снизу вверх. Именно упоминание физического несовершенства придает описанию Плутарха некоторую достоверность¹⁷. Наиболее правдоподобное современное объяснение этой особенности — сколиотическая болезнь, например врожденный или глазной тортиколлис, или кривошея¹⁸. Однако ни рост, ни юность, ни гладковыбритый подбородок, ни проблемы с шеей не помешали Александру стать Великим. К 334 году до н. э. на тот момент двадцатидвухлетний Александр сумел освободить греков, что 75 лет с окончания Пелопоннесской войны находились под гнетом персов. Но он хотел большего. Александр хотел захватить саму Персию. Встав на границе между своим царством и Азией, он метнул копье. Если оно долетит до Персии, решил Александр, он завоюет ее. Если нет — этому не суждено случиться. Увидев, как наконечник копья воткнулся в персидскую землю, Александр объявил, что боги приносят Персию ему в дар и он этот дар принимает.

Если верить письменным свидетельствам Псевдо-Каллисфена, письмо, которое читал Александр, пришло от разгневанного царя Персии Дария III. Оно было полно бахвальства и угроз*. Дарий объявлял себя не просто царем, а божеством, притом довольно богатым, и писал, что Александр для него «слуга», которому стоит отправляться домой «почивать на груди твоей [Александра] матери Олимпиады», поскольку его «возраст еще нуждается в воспитании и в соске»^{19**}. Легким уколом это не назовешь. Менее сильный лидер мог бы повернуть назад, опасаясь, что его войско узнает о могуществе человека, с которым ему придется столкнуться, если они продолжат наступление. Но Александр был умен. Когда-то его представлял человек, чьи труды настолько важны для изучения философии,

* Не забывайте, что историки используют приставку «псевдо» не без оснований. Но даже несмотря на то, что сама история может быть выдумкой, она все еще способна помочь нам во многом понять аристотелевский взгляд на эмоции. *Прим. авт.*

** Пер. Л. Егунова.

что их анализируют и обсуждают по сей день, несмотря на то что книги оказались утрачены и сохранились лишь конспекты лекций. Речь о бывшем ученике Платона — Аристотеле.

Страсти Аристотеля

Если вся западная философия и правда лишь серия пометок на полях трудов Платона, то Аристотель, старый наставник Александра, вносил куда более основательные комментарии, чем все прочие. Аристотель был гораздо практичнее Платона. В то время как Платон, которого часто тянуло сесть и предаться размышлениям, любил беседовать со своими друзьями, Аристотель предпочитал наблюдать за миром и проводить измерения. Эта разница подходов иногда становилась источником разногласий философов. В конце концов в 348 году до н. э. Аристотель покинул Академию Платона. Причины этого поступка неясны. Возможно, он посчитал, что школа больше неспособна ему ничего предложить. Возможно, он не ладил с преемником Платона Спевсиппом. Возможно, причиной была ксенофобия афинян по отношению к македонцам, а значит, и к Аристотелю. В любом случае, проведя какое-то время в странствиях, он вернулся в Македонию и возглавил школу при святилище нимф в Миезе. Именно здесь он учил юного Александра. Вполне вероятно, тема эмоций входила в учебную программу. Была бы воля Аристотеля, любой влиятельный юноша учился бы ими управлять. Чтобы познакомить своего юного ученика с миром эмоций, Аристотель, вероятно, начал бы с сущности, которая, по их общему с Платоном мнению, лежит в основе чувств и порождает их, — а именно с души.

На первый взгляд теории Платона и Аристотеля о душе очень схожи. Оба философа полагали, что душа существует в трех частях, и приписывали каждой из них разные силы. Оба утверждали, что разум обитает в определенной части души, которой обладают только люди и боги. Однако Платон считал, что душа находится вовне и контролирует тело, или тень. Аристотель думал иначе.

Он выстроил трехчастную концепцию души, основываясь на собственных наблюдениях. Он видел жизнь в растениях, животных и людях, и это

натолкнуло его на мысль о существовании души или иной внутренней силы. Он заметил, что растения, подобно людям и животным, размножаются и растут, но при этом не чувствуют эмоций и почти не двигаются. Душа растения должна быть примитивной, рассуждал он, «вегетативной». Аристотель также обратил внимание на то, что животные делают все то же, что и растения, но к тому же испытывают чувства и двигаются, как и люди. Значит, они должны обладать чувственной частью души. Однако животным недоступны размышления о природе души и написание философских трактатов — они лишь реагируют на раздражители. Исходя из этого, он заключил, что животным недостает рациональной части души, отвечающей за мыслительные процессы. Получается иерархичная система. Растения наделены лишь вегетативной душой. Если к ней вы добавите чувственную, то получите животное. А если наделить животное разумной душой, перед вами предстанет человек.

В отличие от Платона Аристотель не считал, что мы и есть души, а наши тела — всего лишь неясные тени на стене пещеры. Он полагал, что тело без души — сгусток материи, безжизненная плоть, которая вскоре обратится в пыль. Он также говорил, что душа должна быть «внутри тела»²⁰. Без нее тело прекратит существование. Вместе тело и душа создают жизнь. Чем сложнее форма жизни, тем больше частей у ее души. Способность организма расти и воспроизводить себе подобных обусловлена присутствием растительной души. Существа, умеющие чувствовать и реагировать, сформировались под влиянием чувственной души. Если они устроены еще сложнее и способны мыслить, значит, в них живет разумная душа²¹. Душа при этом не может существовать отдельно от тела. Для жизни необходимы обе составляющие.

Аристотель также не соглашался с идеей Платона, что все части души способны чувствовать. По Аристотелю, только чувственная душа может быть потревожена пате и ощущает их: именно эта часть души отвечает за познание окружающего мира через зрение, обоняние, осязание, слух и вкус, которые и становятся источником волнений. Аристотель представлял следующий механизм: ваши чувства улавливают что-то извне. Допустим, вы видите льва. Вы замечаете опасность, и это воздействует на вашу чувственную душу, вызывая пате, вероятнее всего страха. Вы можете тут же

обратиться в бегство, не прислушиваясь к своей разумной душе. В ином случае ваша разумная душа напомнит вам, что вы в зоопарке и лев не причинит вам вреда. Подобным образом работают все чувства — это связующее звено между окружающей действительностью и вашими внутренними переживаниями²².

Одно из ключевых отличий философии Аристотеля от философии Платона заключается в том, что Аристотель не считал необходимым подавлять эмоции ради высшего блага — во всяком случае, не видел смысла поступать так, подобно Платону, из благородных, почти религиозных убеждений. Если вы намерены контролировать свои эмоции, полагал Аристотель, следует применять такое умение в дебатах особого рода — в риторике. Риторика — это искусство убеждения, в основе которого лежит *пафос*, способность пробуждать чувства в тех, к кому вы обращаетесь. К подобному стилю аргументации по-прежнему прибегают политики и адвокаты, возможно даже слишком часто.

Риторика отнюдь не предполагает полного игнорирования фактов. На самом деле в своей книге (или, лучше сказать, заметках) о ней — озаглавленной, как ни удивительно, «Риторика» — Аристотель неоднократно призывает читателя узнать как можно больше о предполагаемом предмете спора. Однако преподносить факты стоит, пользуясь арсеналом приемов, которые позволят достичь эмоционального и интеллектуального превосходства над собеседником.

Нам «Риторика» интересна тем, что в ней Аристотель подробно описывает некоторые эмоции. (Описания Платона тоже довольно детальны, однако в них нет системы.) В особенности пате, полезные для пафоса. Во второй книге «Риторики» он разбивает их на пары противоположностей. Но прежде чем перейти к ним, он в конце первой книги говорит о двух базовых чувствах, из которых, по его мнению, происходят все остальные.

- Первое — наслаждение. Аристотель определяет его как «движение, посредством которого вся душа сознательно приводится в свое нормальное состояние» — другими словами, состояние непоотревоженной души. Наслаждение связано с чувствами, возвращающими душу в состояние покоя²³.

- Второе — боль, антоним наслаждения, или состояние растревоженной души. Боль связана с чувствами, которые становятся причиной возмущения души²⁴.

Способность управлять чужим наслаждением и болью характеризует талантливого оратора. В некоторой степени именно в этом заключалась тактика Сократа. Если вы обратитесь к диалогам Платона, вы обнаружите, что бесконечные вопросы Сократа вызывают острую, болезненную реакцию — чаще всего гнев. Возможно, именно поэтому Аристотель начинает перечислять пате с гнева.

Вот список парных эмоций, которые Аристотель считал полезными для риторики:

- гнев/спокойствие²⁵;
- дружелюбие/враждебность (или любовь/ненависть)²⁶;
- страх/уверенность (последнюю он определял как «отсутствие или удаленность от источника ужаса: может проистекать как из близости чего-то, что внушает уверенность, так и из отсутствия чего-то, что вызывает тревогу»)²⁷;
- стыд/бесстыдство²⁸;
- доброта/бессердечие²⁹;
- сожаление/негодование³⁰;
- зависть/подражание (последнее описывается как своего рода белая зависть — удовлетворение от чужих успехов и достижений)³¹.

Согласно Аристотелю, умение выражать эти эмоции и манипулировать соответствующими эмоциями оппонента в значительной степени помогает победить в споре. Чтобы достичь в искусстве дебатов уровня Сократа, необходимо научиться контролировать эти чувства как в себе, так и в других. Главное — внимательно выбирать тех, с кем споришь, иначе неприятностей не избежать.

²⁴ Это интересно, поскольку предполагает, что Аристотель считал следствием пате не только чувства, но и поступки. *Прим. авт.*

Риторика Александра

Зная, что Александр был учеником Аристотеля и впитал его взгляды на эмоции и риторику, мы можем довольно хорошо представить его реакцию на письмо Дария. Дарий пришел в ярость от известий о том, что Александр намерен завоевать его земли. Александр понимал, что любой ответ, отличный от «Все понял, ухожу», обернется серьезными последствиями. Хотя не исключено, что именно на это он и надеялся. Он как будто искал неприятностей. Неприятностей и возможности построить империю, которой еще не видел мир. Александр был намерен получить и то и другое.

Считается, что Александр зачитал насмешливое и оскорбительное письмо Дария своим солдатам, и многих из них оно, конечно, беспокоило. В конце концов, за плечами у этого народа была долгая и полная жестокости история греко-персидских войн. Однако Александр, опираясь на мудрость своего учителя, обратился к войскам: «...что вы так смущены этим письмом?.. Дарий так пишет из хвастовства, сам он вовсе не похож на написанное. Бывают псы, которые уже не могут взять крепостью тела, так они громко лают, точно лай свидетельствует о силе»^{32*}. Дарий пытался запугать Александра и его войско. К несчастью для Дария, Александр прекрасно знал, на что способны он сам и его армия. Аристотель, вероятно, рассказал своему ученику, что «если мы считаем себя в высокой степени обладающими тем, из-за чего над нами смеются, тогда мы не обращаем внимания на насмешки»^{33**}. Аристотель определял уверенность как «отсутствие того, что вызывает тревогу», а Александр был ее воплощением.

В искусстве риторики крайне важно чувствовать аудиторию. Аристотель утверждал, что «нужно обращать внимание и на то, среди кого произносится похвала, потому что, по выражению Сократа, нетрудно восхвалять афинян среди афинян же»³⁴. Возможно, памятуя об этом, Александр указал, что в письме, кроме прочего, говорится о несметных богатствах Дария, чтобы его солдаты загорелись желанием получить их часть в качестве трофеев

* Здесь и ниже в цитатах пер. Л. Егунова.

** Здесь и в следующем абзаце цит. по: Античные риторики / пер. Н. Платоновой. М., 1978.

в случае победы. Собранным воинам эта идея пришла по душе. Александр вместо страха внушил им те же уверенность и рвение, что испытывал сам. Совсем как его учили.

Как только его люди успокоились, Александру ничего не оставалось, кроме как написать ответ.

Позорно столь великому царю Дарию, превозносящемуся столь великой мощью, да еще и сопрестольнику богов, впасть в презренное рабство у какого-то человека Александра³⁵.

Александр приказал своим людям казнить персидских посланников, которые по понятным причинам «перепугались». Однако на самом деле Александр и не думал их убивать. После того как они пали перед ним ниц, он отпустил их со словами:

Не потому, что вы испугались наказания и стали умолять меня, я помилю вас. Я вовсе не имею намерения наказать вас, но хочу показать различие между царем-эллином и варваром-тираном³⁶.

Дарий допустил ошибку: Александр был хорошим учеником. Он понимал, как управлять чувствами людей. Он смог внушить своим солдатам смелость, высмеяв попытки Дария угрожать ему. Более того, он преподал Дарию урок, как на самом деле нужно устрашать противников: поиграв с желанием людей жить, прежде чем спасти их от неминуемой гибели, вы обретаєте власть над ними. Посланники вернулись к Дарию, чтобы рассказать о величии Александра.

Почти десять лет спустя Александр стоял на берегу реки Ганг на севере Индии. Он завоевал Египет и бóльшую часть земель от Греции до Гималаев, включая царство Дария, как и обещали боги. Но его солдаты устали. Они скучали по родине и семьям и отказывались сражаться дальше. Им хотелось домой. Александр грезил о том, что ожидало его впереди, о сокровищах, которые ему предстояло увидеть. Но там, на берегу Ганга, вопреки

своему желанию, он согласился вернуться в Грецию. Его империя достигла своего предела.

Оказаться дома было не так плохо. Александр мог снова побеседовать со своим старым наставником Аристотелем и прочесть некоторые из диалогов, которые тот писал в своей новой школе, Лицее.

Философское настроение

Платон и Аристотель — два величайших имени в античной философии. Чувства были чрезвычайно важны для них обоих, хотя, как и во многих других вопросах, они расходились во взглядах не только на то, как работают эмоции, но и на то, как их следует использовать. Платон считал, что эмоции способны как вознести нас к высшему благу, так и сделать заложниками опасных краткосрочных удовольствий. Аристотель полагал, что эмоции рождаются в животной части души и способны принести пользу в спорах или переговорах с врагом. Оба верили, что эмоциями можно управлять с помощью разума, логоса. По мнению Платона, чувства должны быть устремлены к чему-то возвышенному и одухотворенному, в то время как Аристотель смотрел на них с практической, приземленной точки зрения и видел в них инструмент достижения целей. В сущности, все разногласия между двумя мыслителями сводятся к тому, что для Платона в каждом явлении важнее всего духовное, а Аристотель прагматически ищет ему приложение в реальном мире. Их взгляды на эмоции не исключение.

Идеи Платона и Аристотеля о природе эмоций и душе служили основой западной философской и политической мысли почти два следующих тысячелетия. Нет такого философа — равно как цивилизации, политического движения или религиозного верования, — на которого не повлиял бы как минимум один из мыслителей или оба сразу. Теории эмоций, предложенные Платоном и Аристотелем, во многом сформировали культуру и убеждения всего западного мира. Не верите? Продолжайте читать — и вы снова и снова будете слышать отголоски их основных положений. Они помогли миллионам людей по всему миру разобраться в себе, и до начала XVII века не было никого, кто мог бы бросить им хоть сколько-нибудь серьезный вызов.

Само собой, древние греки не единственные, кто повлиял на теорию эмоций. Точно так же как Платон и Аристотель не единственные, чьи попытки разъяснить, что такое эмоции и что с ними делать, имели глобальное значение. Примерно тогда, когда Сократ готовился принять смерть, в Древней Индии развивалась дискуссия о чувствах, которая вдохновляла последующие поколения философов, живших на территориях от Китая до окраин христианского мира. Давайте перенесемся в те самые северные провинции Индии, у чьих границ повернула армия Александра, — туда, где эмоциональное преображение правителя изменило ход истории.